

УДК 347.963

СВЯЖСКИЙ «СПРУТ»: ДЕЛО БАНДЫ ШАКУРА-КОНОКРАДА

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент АН РТ*

О деле Шакура Рахимова, о знаменитой шайке конокрадов из деревни Чутеево написано немало. Различные легенды, истории, вымыслы и домыслы сопровождают это дело. Писали отдельные участники этих событий, судебные журналисты. Есть и известная повесть писателя Евгения Сухова. За перо взялись даже совсем юные представители рода Шакура. Причем, у каждого из них своя правда.

Мне захотелось взглянуть на это дело с другой стороны – а какова роль в деле Шакура Рахимова представителей органов власти, в первую очередь, работников прокуратуры, милиции, судей, исполкомов? Действительно ли Шакур-карак охватил своими щупальцами корысти представителей различных ветвей власти, что и позволяло ему в течение продолжительного времени уходить от ответственности?

Дать однозначный ответ на этот вопрос очень трудно. Материалы следствия и суда носят противоречивый характер, не все моменты и нюансы выяснены с достаточной тщательностью и полнотой. Не всегда можно однозначно утверждать, что же имело место на самом деле: обычная халатность, беспечность, безграмотность, или же умышленное совершение действий в интересах шайки конокрадов из корыстных побуждений. Попробуем разобраться, исходя из имеющихся в нашем распоряжении архивных материалов и документов.

До 14 августа 1920 года деревня Чутеево входила в Цивильский уезд Чувашской республики, а затем по национальному признаку была передана в состав Татарской республики. В Свяжском кантоне она вошла в состав Молькеевской волости. Слава деревни Чутеево как пристанища воров простиралась далеко. Как говорили отдельные свидетели, в Чутеях 500 дворов, и 500 воров. В чужих деревнях, в чужих краях чутеевцев даже не пускали на ночлег! – боялись, что они обворуют хозяев. Обычные чутеевцы, не имевшие отношения к банде Шакура, возмущались: «Почему на нас навечно повесили позорное имя воров?!».

Конокрадство в тот период являлось самым распространенным преступлением и считалось весьма опасным. Не случайно на заседании коллегии Наркомюста Татарской республики еще 8 декабря 1921 года председатель трибунала Бирюков даже предложил путем дачи разъяснения подвести конокрадство под вид бандитизма, соответственно усилив наказание, вплоть до расстрела. Другой член коллегии Масютин заявил, что конокрадство – это страшный бич для Татарской республики¹.

В июле 1925 года в ЦИК Татарской республики поступает обращение писателя Зарифа Башири о преступлениях шайки Шакура Рахимова

и покрывающих его ответственных работников. ЦИК образует специальную комиссию.

Писатель, журналист Зариф Башири (Зариф Шарафутдинович Башири) родился в деревни Чутеево в семье муллы. Долгое время работал в Средней Азии. Впоследствии, когда он работал в Уфе, в 1938 году был арестован и необоснованно репрессирован как враг народа.

Летом 1925 года Зариф Башири, работавший тогда редактором крестьянской газеты в Туркестане, приехал в родное село Чутеево, где проживал его брат, учитель. Учитель Баширов, слыша жалобы и разговоры о действиях шайки Шакура, говорил об этом председателю волисполкома. Но тот всегда отвечал: «Дайте факты!». Зариф Башири выслушал рассказы своего брата и других односельчан. Всю ночь они писали заявление, которое потом было передано в ЦИК.

Впоследствии Зариф Башири писал о своей большой роли в раскрытии шакуровской банды. Однако в результате проверки прокуратуры в 1932 году его притязания были отклонены². Официальная власть дала понять: это мы раскрыли банду!

29 июля 1925 года на заседании Президиума ОКК был заслушан вопрос о бандитизме в Свияжском кантоне. Совещание вел Палютин, участвовали представители ГПУ, НКВД, уголовного розыска и других органов. Сотрудник ГПУ Штахановский и сотрудник НКВД Айсин проинформировали, что банда Шакура действует в Свияжском кантоне с 1918 года, имеет связь с местными властями (волостной милицией, волостными исполкомами, сельсоветами, судебными органами). Несмотря на массовые грабежи, власть на местах мер не принимает, потому что они сами замешаны в этой шайке.

Президиум ОКК постановил – создать из представителей НКЮ, ГПУ и НКВД комиссию в составе Айсина, Штахановского и Дивеева (от НКЮ) с выездом на место для ведения следствия. Комиссии было предоставлено право использовать все имеющиеся по данному вопросу материалы и конспиративные силы, производить в необходимых случаях аресты.

1 августа 1925 года Штахановский и Айсин получают удостоверение об их командировании в Свияжский кантон для выяснения вопросов, связанных с бандитизмом. Всем парторганизациям предлагается оказывать им содействие.

Айсин являлся заместителем наркома внутренних дел ТАССР. В декабре 1925 года он исполнял обязанности наркома.

4 ноября 1925 года Айсин представил в Областной комитет РКП(б) докладную записку по Чутеевскому делу. В ней он пишет, что 12–14 июля 1925 года получил секретные агентурные сведения отдела уголовного розыска НКВД ТАССР о безнаказанных преступных действиях шайки конокрадов в составе 23–25 человек в Свияжском кантоне. Одновременно такие же сведения поступили в письмах в редакцию «Крестьянской газеты» ЦК РКП(б). О полученных сведениях Айсин сообщил в Татарский Областком РКП(б) и в Правительство ТАССР.

По распоряжению ОК Айсин вместе с заместителем начальника ТООГПУ Штахановским 17–18 июля 1925 года выехал в город Свияжск. Здесь они встретились с уполномоченным ТООГПУ по Свияжскому кантону – тот подтвердил реальность сведений о банде конокрадов. Далее Айсин и Штахановский сделали краткое информационное сообщение по существу вопроса на заседании бюро Свияжского канткома РКП(б) в узком составе. По возвращении в Казань они

доложили о результатах поездки на заседании Президиума ОКК – 23 июля 1925 года.

13 августа 1925 года комиссия выехала в Чутеевскую волость в сопровождении 15 вооруженных красноармейцев из батальона ТООГПУ, одного следователя и одного агента уголовного розыска.

Кстати, в докладной записке Айсин упоминает о помощнике прокурора по Свияжскому кантону Суондюкове, который направил председателю СНК Габидуллину телеграмму, в которой выразил «обиду» по поводу создания комиссии без его ведома и участия.

Комиссия прибыла в Чутеево в 12 часов ночи 13 августа 1925 года. Навстречу отряду попались двое членов шайки на двух подводах. Завязалась перестрелка, в результате была убита одна лошадь конокрадов, а на второй они скрылись. На рассвете отряд приступил к арестам и обыскам. Начались допросы. Узнав о прибытии отряда, председатель сельсовета скрылся. При обыске в его доме нашли воровские вещи и инструменты.

Айсин отмечает, что банда проводила политику «защиты интересов бедняков» – им за бесценнок продавали лошадей, предметы сельскохозяйственного обихода и т.д.

Характерно, что в деревне Чутеево не только взрослые, но и даже дети в возрасте 8-10 лет старались всеми силами и способами помешать работе комиссии, в частности, в обнаружении украденного, в задержании конокрадов.

Выявив в течение суток всю картину и добыв путем следствия весьма ценные материалы, комиссия вернулась в Казань.

Через 2–3 дня Дивеев и Штахановский снова выехали в Чутеево для ареста остальных конокрадов, скрывшихся при первой операции.

29 августа 1925 года Дивеев доложил на заседании ОК о результатах работы комиссии.

Кроме этого, Айсин составил отдельную докладную записку «Конокрады и борьба с ними в ТССР», которая представляет собой очерк деятельности органов милиции и уголовного розыска по борьбе с конокрадством («Чутеевщина», «Бугульминское дело» и другие).

Одну из причин длительного нераскрытия преступлений банды Шакурова Айсин видел в том, что она большую часть своих преступлений совершала за пределами Молькеевской волости, часто – за пределами Свияжского кантона и даже ТССР.

Во второй докладной записке Айсин говорит о получении сведений о банде Шакурова от осведомителей из числа крестьян деревни Чутеево еще в конце сентября 1924 года. В конце февраля 1925 года в Свияжский кантон были направлены 2 секретных сотрудника уголовного розыска. После двух недель работы на месте были арестованы 8 бандитов во главе с Шакуровым. Они были доставлены в Татарский отдел уголовного розыска и после предварительного краткого дознания направлены в следственную часть Главсуда ТАССР. Далее бандитов передали в распоряжение помощника прокурора по Свияжскому кантону. И через 2–3 месяца бандиты оказались на свободе. Мотивы освобождения бандитов были не ясны для сотрудников ОУР, и они продолжали работу³.

На основе материалов ОКК постановлением ЦКК было решено провести проверку всех партийных ячеек Свияжской кантонной партийной организации. Руководил проверкой член ЦКК Новиков, который являлся и председателем комиссии по проверке и расследованию дела конокрадов –

шакуровщины. Проверка партячек было завершена в июне 1925 года. В справке отмечается, что по уголовному делу всего привлечено до 70 человек, в том числе до 20 должностных лиц. Комиссия устраивала собрания граждан в 6 волостях, присутствовала на 3 беспартийных крестьянских конференциях. В сентябре-октябре 1925 года проводилось обследование Свяжской партийной организации Областным комитетом партии. На заседании бюро канткома был заслушан доклад «О состоянии судебно-следственного аппарата».

Начинаются процедуры снятия с работы, исключения из партии, аресты ответственных работников. В частности, 8 сентября 1925 года был арестован нарсудья II участка Сабир Бикмурзин, член партии с 1919 года.

9 сентября 1925 года решением бюро областкома РКП(б) председатель исполкома Бикчентаев отзывается из Свяжска в распоряжение ОК.

2 октября 1925 года бюро Свяжского канткома ВКП(б) ходатайствует перед областком об отзыве помощника прокурора Суяндюкова – ввиду его душевной болезни!

22 октября 1925 года бюро ОК дает согласие на снятие с работы помощника прокурора Низамутдинова.

На заседании бюро Свяжского канткома ВКП(б) 27 октября 1925 года по докладу Уполномоченного ОКК народный следователь Ишимов исключается из партии.

23 сентября 1925 года на заседании бюро Областкома РКП(б) заслушивается сообщение ОКК (Бажанов) о положении дел в Свяжском кантоне. Бажанов говорит о несомненной поддержке со стороны местных органов сильно развившегося бандитизма и конокрадства в Свяжском кантоне, отмечает, что отдельные представители советских органов входят в компанию с бандитами и делят добытое. В

этой связи докладчик предлагает обновить актив района.

Бюро решает создать партийную комиссию в составе Бажанова, Дивеева, Кадушина для наблюдения за производством следствия и выработки мероприятий по оздоровлению советского аппарата в Свяжском кантоне⁴.

В сентябре 1925 года в Свяжск направляется член областной контрольной комиссии Нигаметзянов. Впоследствии он избирается заместителем председателя кантисполкома и заведует земельным отделом, затем по совместительству становится уполномоченным ОКК по Свяжскому кантону.

В сентябре 1925 года чрезвычайный съезд Молькеевской волости, рассмотрев вопрос о перевыборах волисполкома, принимает резолюцию: «Прочь с дороги конокрадство! Снести с лица земли конокрадов!...».

В связи с раскрытием шакуровской банды в Свяжском кантоне проводилась массовая замена руководящего состава. К началу 1926 года состав кантисполкома заменили на 100%, состав волисполкомов — на 90%, а сельсоветов – на 60%.

18 октября 1925 года Осман Дивеев в газете «Красная Татария» опубликовал статью «Что было в Свяжском кантоне». То, что случилось в Свяжском кантоне, он назвал «старым гнойником на теле Татарской республики». Осман Дивеев, на тот момент заместитель наркома юстиции, заместитель прокурора Татарской республики, дает общую характеристику дела, рассказывает о совершенных бандой Ш.Рахимова преступлениях, называет пособников и покровителей банды из числа работников милиции, суда, прокуратуры, исполкомов. По данным Дивеева, на тот момент были арестованы 18 чутеевцев – воров-конокрадов и 12 должностных лиц. Перечислим последних:

Председатель сельсовета деревни Чутеево Ярханов.

Председатель Молькеевского волостного исполкома Тюльматов.

Начальник Молькеевской волостной милиции Ахтямов.

Бывший делопроизводитель Молькеевской волостной милиции Федоров.

Бывшие милиционеры Онисько и Булатов.

Бывший начальник 3-го района милиции Сайдашев.

Бывший делопроизводитель военного стола Молькеевской волости Иванов.

Бывший начальник Кушманской волостной милиции Гатауллин.

Бывший народный следователь 2-го участка Свияжского кантона Ишимов.

Бывший нарсудья 2-го участка Свияжского кантона Бикмурзин.

Бывший начальник кантонной милиции Сагеев.

Таким образом, под следствие попали 7 работников милиции. В числе обвиняемых впоследствии оказались и председатель Свияжского кантисполкома Бикчантаев (ранее – председатель Заинского исполкома), секретарь сельсовета Чутеево Амиров.

Как следует из материалов уголовного дела, Осман Дивеев принимал активное участие в расследовании уголовного дела по банде Шакура Рахимова. Он участвовал в допросах, выполняя при необходимости и обязанности переводчика. К примеру, в ходе судебного процесса была допрошена жена одного из обвиняемых, которая в ходе следствия давала показания не в пользу своего мужа. Защита в суде утверждала, что она плохо знает татарский язык, не все понимала, и говорила совсем не то, что записал следователь. Суд вызвал Османа Дивеева – тот пояснил, что он присутствовал на допросе во время следствия, при

этом переводил показания женщины, и все в протоколе следователем было записано верно.

На экстренном заседании бюро Свияжского канткома ВКП(б) 21 ноября 1925 года представитель ЦКК Новиков сделал информацию о работе комиссии по обследованию советско-партийного аппарата Свияжского кантона в связи с раскрытием шакуровщины. Он говорил о задачах партийной организации по искоренению последствий шакуровщины, созданию среди крестьянской массы здорового настроения по отношению к советско-партийному аппарату.

Председатель КИК Порфирьев в своем выступлении отметил, что крестьянство радуется, что нашлись люди, которые раскрыли преступления шайки Шакура.

По словам Ермина, начальника уголовного розыска Свияжского кантона, чутеевский бандитизм существовал 8 лет, и об этом все знали. Бандитов арестовывали, но часто Казань их освобождала. К раскрытию шакуровщины крестьянство относится хорошо.

Павлов поделился своими наблюдениями о жителях Молькеевской волости – оказывается, они уже привыкли угощать и давать взятку каждому приезжему с портфелем, если он окажется начальником.

Пищулина отметила, что в связи с шакуровщиной в волостях также практиковалась и кража женщин.

По словам Денисова, население с большим недовольством относилось к судебно-следственным органам, так как с ними без взятки нельзя было иметь дело⁵.

19 ноября 1925 года на общем собрании граждан в одном из сел Молькеевской волости уполномоченный от волисполкома Жирков, говоря о политическом состоянии волости, заявил, что до 50% населения волости – пре-

ступники! Особенно это относилось к деревням Чутеево и Ст. Тябердино. Эту же цифру называли докладчики на общих собраниях граждан и в других деревнях. Представляете масштаб, уровень преступности в отдельно взятом месте!

17 декабря 1925 года бюро Свяжского канткома ВКП(б) заслушивает доклад Носкова о работе прокурорского надзора по кантону. Носков только что приступил к работе. Он указал на ненормальные залежи дел в судах и следственных участках. Причиной слабой работы судебно-следственных органов являлась главным образом юридическая неграмотность работников. Помощнику прокурору поручили увеличить пропускную способность судебно-следственного аппарата.

10 февраля 1926 года бюро рассматривает вопрос о судебно-следственных органах кантона и приходит к выводу, что НКЮ и Главсуд продолжают направлять в кантон совершенно негодных и неспособных работников. Перечисляются фамилии судей, следователей, не соответствующих своей должности.

25 февраля 1926 года бюро обсуждает вопрос о работе кантонной советской милиции. Основной смысл доклада: «Милиция не спала, что-то делала. Но очень мало»⁶.

Во время перевыборов сельсоветов и волисполкомов в Свяжском кантоне в начале 1926 года крестьяне говорили о бездеятельности прежней власти, отдельные представители которой имели связь с шакуровщиной.

На заседании XII Свяжской кантонной партийной организации 25–26 мая 1926 года один из выступавших – Павлов заметил, что «шакуровщина не изолирована, свободное отношение шайки с внешним миром, население разуверяется, что будет суд». Он говорил, что ожидается судебный процесс,

но население боится и не верит, что «шакуровщина» будет наказана.

В архивных документах мы читаем, что в ликвидации шакуровщины проявил себя как активный работник беспартийный крестьянин Нугуманов из деревни Чутеево. Уполномоченный ОКК Нигаметзянов даже предлагал выдвинуть Нугуманова на должность заместителя заведующего кантземотдела. Нугуманов был избран членом Свяжского кантисполкома. Он, в частности, обращался с письмом по поводу побега трех членов банды Шакура, указывая на недовольство крестьян по этому случаю⁷. По имеющимся данным, раскрытию и поимке шакуровской банды способствовал и селькор Галиулла Талыпов.

В отдельных публикациях (И.Шакуровой, в частности) утверждается, что в уголовном деле Ш.Рахимова и его банды нет ни одного признания, ни одного настоящего свидетеля, все отчеты и письма Зарифа Баширова были искажением действительности, и дело рассыпалось в мелкую мозаику... И вообще в ходе следствия не удалось раскрыть ни одного действительно серьезного преступления, совершенного бандой Ш.Рахимова. А убийство Даминова, единственное убийство в деревне за все годы, носило вообще не политический, а личный характер. З.Башири собрал все слухи негативного характера.

Полагаю, что дело обстояло вовсе не так. Следствие и суд для того времени были проведены достаточно тщательно и основательно. Возможно, есть сомнения, вопросы в отдельных деталях, эпизодах и т.д. Но в целом картина преступлений раскрыта с достаточной полнотой. Да и доказательств было предоставлено достаточно, и причем весьма убедительных, неопровержимых.

Шайка Шакура Рахимова, кроме конокрадства, занималась ограблени-

ями различных учреждений (сельские кооперативы, больницы, небольшие заводы, фабрики и т.д.). Преступления совершались в Татарской республике, а также Ульяновской, Нижегородской, Московской губерниях, Чувашской республике.

В ночь с 6 на 7 сентября 1920 года из кооператива в селе Клянчино Свияжского кантона путем пролома пола лавки была похищена мануфактура и нитки. Под полом нашли кошелек с деньгами, личную карточку и еще некоторые другие документы на имя Шакурова Сабира, сына главаря. В домах бандитов впоследствии нашли валенки фабричного изготовления – точно такие же были украдены из кооператива села Клянчино. Это ли не веские доказательства?

Обнаружив документы Сабира Шакурова, начальник милиции Свияжского кантона дает телеграмму начальнику 2-го района Малютину – организовать погоню. Милиция идет по следу, приходит в дом Шакура Рахимова, устраивает обыск. Однако ничего не было найдено, все участники преступления скрылись. Начальник милиции Малютин забирает у Шакура Рахимова лошадь и ставит условие: привези сына в район, тогда вернем лошадь. Но что для Шакура одна лошадь? Он не выполняет требование и даже не требует вернуть лошадь.

В суде Сабир Шакуров утверждал, что в ночь с 6 на 7 сентября 1920 года он не участвовал в преступлении, его ограбили в пути, забрали и документы. Он якобы подал заявление о совершенном ограблении в уголовный розыск и был допрошен в Тюмерской волости и в Цивильске, однако это не подтвердилось – заявление С.Шакурова об ограблении не поступало.

По случаю утери документов Сабир Шакуров обратился в сельсовет деревни Кичкеево и получил у его

председателя Моисеева соответствующее удостоверение. Правда, в суде Моисеев утверждал, что никакого удостоверения Сабиру Шакурову он не давал, хотя ему предъявили это удостоверение с его личной подписью и печатью.

Обратимся к эпизоду с похищением 14 декабря 1924 года хмеля из амбара крестьянина Никитина в поселке Урмары Чувашской республики. 32 пуда похищенного хмеля преступники продали чувашам Павлову и Дмитриеву. Милиция вскоре арестовала их. На суде Павлов и Дмитриев указали на члена шайки Насретдина Замалетдинова как на лицо, у которого они купили хмель.

В ночь с 19 на 20 декабря 1923 года из кладовых больницы в селе Ногаткино Ульяновской области было похищено белье. Преступники также похитили и кружки, на дне которых с наружной стороны стояли буквы «ОМС». Точно такие же кружки были найдены впоследствии у четырех членов банды. Очень важные и веские улики.

В ночь ограбления Ногаткинской больницы преступники попутно увели двух лошадей у крестьянина села Ногаткино – Жмырова. У одной из лошадей на задней правой ляжке было тавро с буквами П.Д.Е.

Когда по этому делу проводили обыски, то у жителя деревни Чутеево Мирзы Хасанова обнаружили эту лошадь – с буквами П.Д.Е. По словам Хасанова, лошадь он купил у Шакура Рахимова. Потерпевший Жмыров категорически и уверенно опознал свою лошадь. Какие еще нужны доказательства?..

Убийство комсомольца Даминова, избивание его матери Даминовой, повлекшее преждевременные роды и последующую смерть ребенка, нанесение серьезных увечий мужу Даминовой – факты были налицо, и оспаривать

их не было оснований. Можно было лишь спорить о мотивах, степени участия каждого и т.д.

На следствии и в суде выявились многочисленные нарушения правил конского учета. Когда в Чутеево проводился учет лошадей, то устраивалась грандиозная пьянка с угощениями и подношениями. В результате «конское начальство» перепилось и узаконило всех лошадей в деревне, в том числе и краденых. Дальше уже можно было смело считать краденую лошадь своей – ведь она благополучно прошла конский учет. Не случайно в числе пособников и покровителей шайки оказались заведующий военноконским участком Воронцов, секретарь Арапов, деловод военного стола Иванов.

Были и другие доказательства неоднократных случаев совершения бандой конокрадства. К примеру, прокурор в суде насчитал не менее 7 эпизодов продажи краденых лошадей Гарифом Мазитовым.

В ходе следствия проводились экспертизы по определению подлинности учетно-конских удостоверений. Оказалось, что 25 таких удостоверений были подделаны Мирзой Рахимовым.

Когда осенью 1925 года у жителей деревни Чутеево собрали учетно-конские карточки, то треть их оказалась вовсе не зарегистрированной в учетно-конском участке исполкома Молькеевского волостного исполкома.

При облаве в Чутеево задержали четырех лошадей без документов, одну из них у Сабира Шакурова.

Основным свидетелем на стороне обвинения выступал обвиняемый Мирза Хасанов. Он подробно и детально рассказывал об обстоятельствах совершенных бандой Шакурова преступлений. По отдельным эпизодам его показания практически являлись единственным доказательством – ведь

не было ни похищенного, ни других показаний. Но нюансы, нити, которые все равно вели к банде Шакурова, все же были. К примеру, в ночь с 30 на 31 октября 1924 года был ограблен кооператив в Подольском уезде Московской губернии. Маленькая деталь – в 1922 году на бумажной фабрике недалеко от пострадавшего кооператива служил один из членов банды, который впоследствии выступил наводчиком.

В ответ на откровенные показания Хасанова, Шакур Рахимов в суде называет его не только «дураком», но и даже «контрреволюционером».

Хасанов во время судебного заседания находился на свободе. В этой связи защитник Бельский заявил ходатайство о заключении его под стражу. В ответ государственный обвинитель Рогинский назвал это ходатайство адвоката неслыханным в судебной практике и противоречащим судебной этике. Рогинский высказался категорически против даже постановки этого вопроса на обсуждение суда. В итоге ходатайство Бельского было отклонено.

Можно ли было раньше раскрыть преступления шайки Шакура Рахимова, пресечь ее деятельность? Да, такая возможность была, и такие попытки предпринимались. Но благодаря действиям отдельных представителей «Свяжского спрута» преступникам удавалось избежать ответственности. В материалах уголовного дела имеются некоторые сведения об этих фактах. Но полной информации об этом нет, потому что почти во всех случаях материалы уголовных дел благополучно исчезали.

Еще в 1921 году начальник Свяжского Политбюро Смирнов провел обыск у помощника кантонного военкома Сундырского – по подозрению в связи с бандой, в снабжении банды бланками конского учета. В рапорте Смирнова отмечено, что бандиты ук-

рали и продали 41 лошадь. 11 октября 1921 года Политбюро приступило к ликвидации банды. При обыске у Сундырского нашли чистые бланки конских карточек. Военкома поместили под домашний арест, но доказать связь с бандитами не смогли. Возмущенный Сундырский, считая подозрения необоснованными, заявил о выходе из партии и направил партбилет в кантком РКП(б). Ликвидировать банду тогда не удалось, и она понесла лишь легкие потери⁸.

На эти обстоятельства впоследствии указывал и Бикчентаев, председатель Свияжского кантисполкома. В заявлении в Областную контрольную комиссию от 22 октября 1925 года он утверждал, что принимал все меры к поимке конокрадов. В частности, в 1921 году, когда Бикчентаев был начальником Свияжской кантонной милиции, он и начальник Политбюро по Свияжскому кантону Смирнов дважды арестовывали членов чутеевской шайки во главе с Шакуровым и направляли их в Казань, но по неизвестным причинам те каждый раз освобождались.

2 марта 1923 года Бикчентаев стал председателем Свияжского кантисполкома. По его инициативе члены шайки Шакурова неоднократно арестовывались и направлялись в Казань, но впоследствии неизменно освобождались. В последний раз шайка была арестована в феврале-марте 1925 года, направлена в Казань, но их снова освободили.

Бикчентаев в заявлении указал, что чутеевских конокрадов в последний раз освободил новый помощник прокурора по Свияжскому кантону Суюндюков. До него помощником прокурора был Каримов, который также выступал за освобождение конокрадов, и освободил преступника Тарасова, который потом скрылся. Данное заявление Бикчентаева подтверждали

Смирнов, Ермин и Тычкин. Оговоримся, что это версия обвиняемого Бикчентаева.

Летом 1923 года в Чутеево приезжает начальник милиции Цивильского уезда Ермилов – чтобы задержать местного конокрада Гисмея Тухватуллина. Ермилов был в сопровождении крестьян одной из деревень, у которых похитили лошадей. Однако толпа, в основном состоявшая из членов шайки, окружила приехавших, в адрес милиционеров посыпались угрозы, и они были вынуждены уехать ни с чем.

Ермилов пишет заявление об оказанном милиционерам сопротивлении. Оно попадает к народному следователю Ишимову. Следователь приходит к выводу, что Ермилов выпил самогона и вел себя по отношению к конокрадам грубо. Ишимов не допрашивает никого – ни милиционеров, ни сопротивлявшихся, и направляет дело в Цивильский уезд – для привлечения к ответственности начальника милиции Ермилова. Хотя по закону расследование должно было проводиться по месту случившегося, то есть в Свияжском кантоне.

Когда дело из Цивильского уезда возвращается обратно, оно снова попадает к Ишимову. А время-то идет, острота момента спадает. И народный следователь придумывает новый ход – направляет дело в суд с предложением о его прекращении. Умелые бюрократические приемы привели к волюнтаризму и прекращению дела.

Ишимов в суде объяснял, что совершил ошибку, что он не мог допросить все Чутеево. По словам Ишимова, он вел следствие «смешанно» – и о конокрадах, и о бездействии властей.

Ишимова также обвиняли в том, что он не возбудил уголовное дело на члена шайки Гарифа Мазитова по факту продажи им краденой лошади. Исходя из показаний Мазитова, Иши-

мов возбудил уголовное дело на ... умершего гражданина.

В марте 1925 года Ишимову передают секретный пакет с материалами об укрывателях конокрадов, бежавших после облавы в Чутеево. Пакет попадает в число ненужных бумаг, дело никуда не идет. В суде Ишимов пытался убедить прокурора и суд в том, что он получил «анонимку» и изложенные в ней факты не подтвердились.

Свидетель Румянцева в суде показала, что в 1923 году Ишимов хвастался, что Шакур Рахимов подарил ему серебряный самовар. Когда ему не поверили, он вытащил из мешка самовар и показал его.

Шакур Рахимов на вопрос ответил, что он знал отца Ишимова и продавал ему пятистенную избу. Сам Ишимов в суде все факты отрицал.

Прокурор Чувашской республики в свое время направил председателю Свяжского кантисполкома Бикчентаеву специальное письмо о чутеевских конокрадах, о необходимости принятия мер к их поимке. По материалам судебного заседания видно, что данное письмо, в конечном счете, попало к помощнику прокурора Низамутдинову. На вопрос прокурора, почему по данному письму не были приняты меры, Низамутдинов ответил, что он был «страшно перегружен другими делами». «Очевидно, более важными», – иронически замечает прокурор.

Летом 1922 года Бикчентаев арестовал трех крестьян села Б.Кушман, которые жаловались на злоупотребления и хищения в семенной тройке при выдаче семенных ссуд. Жалобы крестьян Бикчентаев приравнивал к контрреволюции, взял с них подписку, что они никуда не поедут с жалобами. Тем не менее, жалобы крестьян о хищениях в семенной тройке дошли до Казани. В результате со специальным

заданием из Казани направили следователя Николича.

На месте Николич убедился в наличии злоупотреблений и хищений, и арестовал весь состав Кушманской семенной тройки. Следствие получило и данные о причастности к семенным злоупотреблениям Ишимова, Низамутдинова и Шафигуллы Гатауллина, тогда заместителя председателя Свяжского кантисполкома. Николич арестовал Ишимова, и тот просидел три дня. Были получены и сведения о передаче Гатауллину взятки в виде лошади. У него даже был проведен обыск.

Николич ночевал у судьи Иксанова. Вот туда ночью и нагрязнул Гатауллин, обеспокоенный активными действиями следователя. В результате Николич сам был арестован. В аресте принимали участие: Гатауллин, вооруженный наганом, председатель сельсовета Валиуллин, вооруженный винтовкой. Гатауллин забрал у Николича следственный материал. Дело было небольшое, содержало отдельные протоколы допросов гражданина села Б. Кушмана и письма-записки на татарском языке. Николича отвели в караулку и под конвоем отправили в Свяжский арестный дом. Когда Николича вели на конец деревни в караулку, он уже думал, что его расстреляют.

На следующий день Гатауллин и Иксанов поехали в Свяжск – по пути заезжали к Ишимову, пили чай. На квартире у Ишимова был и Низамутдинов. При этом Ишимов говорил, что если Низамутдинова назначат уполномоченным НКЮ, то он, Ишимов, доставит его на своих лошадях в Свяжск.

В этой истории много непонятного и невыясненного. К примеру, Гатауллин в суде утверждал, что арестовал Николича на основании официальной бумаги, которую получил от уполномоченного НКЮ Жиркова. Якобы

Николич допустил явно незаконные действия (арестовал Ишимова и т.д.). Жирков эти сведения отрицал, утверждая о полной законности действий Николича. Гатауллин говорил, что дело семенной тройки передал Жиркову, последний это отрицал.

Но главное – злополучное дело, материалы которого собрал следователь Николич, оно исчезло бесследно. Николич усилиями Жиркова был освобожден. Вскоре после этого эпизода происходят и кадровые перестановки. Николичу пришлось уйти со службы. Жиркова снимают с должности, и на его место назначают Низамутдинова. Жирков за подписью трех ответственных работников Свияжска отправляет в Казань телеграмму – что нельзя назначать Низамутдинова на такой ответственный пост. Но эта телеграмма была перехвачена, до Казани не дошла, а оказалась в руках самого Низамутдинова.

Самого Шакура Рахимова несколько раз задерживали, и он сидел под стражей в Чебоксарах, Свияжске, Казани. Но каждый раз благополучно выходил на свободу, так как никто против него показаний не давал.

Как мы обычно говорим в таких случаях: для того, чтобы ликвидировать банду Ш. Рахимова, до поры до времени просто не было политической воли. На банду не обращали серьезного внимания. Но любое дело доходит до своей крайней точки. К сожалению, во многих подобных случаях лишь толчок с самых верхов к решительным действиям дает результат. Да и сегодня мы часто наблюдаем такую же картину...

На заседании комиссии ОКК по проверке Свияжской партийной организации 10 февраля 1926 года (в составе – Новиков, Чирков) принимается решение: исключить из рядов ВКП(б) нарсудью 3 участка Свияжского кантона Сабира Бикмурзина – за

соучастие в преступлениях (прекращение и незаконное решение ряда дел на конокрадов, получение от конокрадов взяток лошадьми и т.д.).

В этот же день исключается из партии начальник Свияжской, а потом Лаишевской кантонной милиции Ярулла Ахматович Габидуллин (пьянство, общение, соучастие с конокрадами, непринятие мер против бесчинства конокрадов, убивших сына Даминовой, причинивших увечья Даминовой, Даминову). Указано, что Габидуллин от следствия скрывается.

В другом решении проверочной комиссии на Иксанова Акмалютдина Шарафутдиновича (кандидат в члены ВКП(б), судья) указано, что он является соучастником Низамутдинова и Гатауллина, допустившего уничтожение уголовного дела, в силу чего ряд преступлений должностных лиц остался необнаруженным и ненаказанным. Из этого решения следует, что Иксанов, будучи народным судьей, совместно с бывшим заместителем председателя кантисполкома Гатауллиным уничтожил уголовное дело по обвинению соучастников конокрадов Ишимова, Низамутдинова и других.

Также 10 февраля 1926 года из партии исключается бывший начальник Свияжской кантонной милиции Ганней Сабирович Сагеев, член партии с 1917 года – за соучастие и связь с конокрадами Шакуром Рахимовым, Мазитовым, за совместное с ними пьянство, получение от конокрадов лошадей.

Кандидат в члены ВКП(б) народный следователь 2 участка Свияжского кантона Ишимов исключается из партии за общение и связь с конокрадами, получение от них взяток, за задержку дел на конокрадов и прочее.

Председатель сельсовета, кандидат в члены ВКП(б) Ярханов исключается из партии за пьянство с конокрадами, непринятие мер к выявлению конок-

радов, ряд других должностных преступлений, непринятие мер к убийцам Даминова.

Более подробно описано в протоколе заседания комиссии дело Гилямотдина Низамутдинова (член ВКП(б), родился в 1895 году, происхождение – из крестьян Свияжского кантона, служащий, последнее место работы – помощник прокурора по Свияжскому кантону). Обвинялся в пьянстве и общении с ворами-конокрадами Шакуром Рахимовым, Гарифом Мазитовым, Асатом и Адятом Зайнуллиными из села Кушман в бытность судьей и помощником прокурора по Свияжскому кантону, получение взятки от Шакура, получение взятки от гражданина Барамышникова, в силу чего шайка конокрадов работала совершенно безнаказанно. Низамутдинова также обвинили в хозяйственно-кулаческом обрастании, что выразилось в кабальном приобретении в 1921 году двух домов, а также в сокрытии преступлений семенной тройки деревни Кушман, незаконном преследовании и аресте граждан деревни Кушман Шарафутдинова, Гафиуллина и других.

Комиссия ОКК исключила Низамутдинова из партии, добавив в резолютивную часть новые обвинения: «незаконные аресты жалобщиков, хозяйственно-кулаческий уклон, другие некоммунистические поступки».

В протоколе комиссии на бывшего председателя Свияжского кантисполкома Шафигуллу Гатауллина, кроме общих обвинений, выделим обвинения в уничтожении в личных целях следственного материала, в незаконном аресте следователя Николича.

Удивляет, как такой человек занимал должность председателя кантисполкома, если он:

- был судим военным трибуналом за укрывательство дезертиров;

- исключался из партии за ряд некоммунистических поступков;

- во время сбора налога ранил совершенно невинного человека и тот остался инвалидом;

- заключал сделки на землю со своим отцом в личных целях и т.д.

Бикчентаев Хайрутдин, 1894 года рождения, начальник Свияжской кантмилиции (1921–1923 гг.), председатель Свияжского кантисполкома (1923–1925 гг.), был исключен из партии за систематическое пьянство, общение с бандитами-конокрадами, пьянство с низами, противопоставление советского аппарата партии.

В ходе проверок чиновников наказывали за малейшую связь с конокрадами. Бывшего секретаря ячейки Молькеевской волости Хикмата Самяткина исключили из партии за то, что он пьянствовал с конокрадами, разъезжал с ними на лошади, получил лошадь от Гарифа Мазитова и даже женился на дочери конокрада! На общем собрании граждан в селе Молькеево народ высказал и подтвердил все эти обвинения в адрес Самяткина⁹.

Преступления большинства должностных лиц, работников различных органов государственной власти заключались в том, что они были в дружбе с главарем, членами шайки, вместе с ними гуляли и пьянствовали, закрывали глаза на происходящее. Но были и более конкретные преступные действия.

Например, председатель сельсовета Ярханов, кроме этого, обвинялся в том, что не выполнял правила по учету лошадей, давал заведомо ложные справки о нахождении Мазитова в бегах, когда тот не скрывался, а жил в деревне.

Одна из похищенных лошадей оказалась у отца секретаря сельсовета Амирова. Потерпевший Николаев со своим сыном и милиционером приехали искать лошадь в Чутеево. Они попытались было осмотреть хозяйство отца Амирова, но тот их не пустил.

Потерпевший продолжал шуметь, и Амиров через месяц сообщил ему: мол, лошадь твоя нашлась, забирай. Правда, за «прокорм» лошади Амиров содрал с потерпевшего 30 рублей денег! Кроме этого, по отдельным свидетельствам, для Амирова члены банды собрали деньги и купили ему лошадь. Амирова также обвиняли в получении пальто от Шакура Рахимова. Это основывалось на показаниях жены Шакура.

Когда в 1922 году украли лошадь у отца начальника милиции Сагеева, тот бросился на поиски в Чутеево, но свою лошадь здесь не нашел. Сагеев тогда провел в деревне облаву и задержал четырех краденых лошадей. Одну лошадь он вернул за 30 рублей, вторую отпустил. Одну краденую лошадь Сагеев просто забрал как свою.

Сагеев имел богатое революционное прошлое. До революции сидел в тюрьмах за политические убеждения, затем был рабочим. Активно участвовал в борьбе с контрреволюцией, во время восстания татарского запасного полка он в бою против восставших получил 10 ран и повреждение черепа.

Лошадь получил и председатель Молькеевского волисполкома Тюльматов. Его потом обвинили в неприятии мер по проверке учетных конских карточек шакуровцев.

Одна краденая лошадь, ранее принадлежавшая крестьянину Романову, впоследствии оказалась у начальника милиции 3 участка Свяжского кантона Сайдашева. Когда потерпевший явился и потребовал свою лошадь, Сайдашев и начальник кантмилиции Сагеев прогнали его.

Уровень взяток того периода был, конечно же, мелок, и соответствовал экономической ситуации. В показаниях мы слышим о лошадях, самоваре, пальто, продуктах, тканях и т.д.

Ишимов Мухамед, народный следователь, играл в преступлениях

шайки важную роль. Судебный корреспондент рисует его как скромного и застенчивого человека. В обвинительном заключении перечислены 9 эпизодов преступной деятельности Ишимова. Он прекращал дела на конокрадов, либо волокитил их, необоснованно направляя в другие органы.

Ишимова, в частности, обвиняли в том, что он уничтожил поступившее к нему дело о шакуровцах, уничтожил протокол о разделе краденной мануфактуры.

От секретаря сельсовета Ишимов узнал о нахождении у Адеева мануфактуры, похищенной членом шайки Алимовым. При обыске у Адеева обнаружили и изъяли 600 аршинов мануфактуры. Но дела не появилось. Новые воры просто разделили ворованное – в дележке участвовал и секретарь сельсовета Ярханов, милиционер Молькеевской волости Рахим Булатов. Перепало даже понятому – караульщику Сафи Козлову. Адеев с экспроприацией согласился. Именно эту мануфактуру впоследствии нашли при обыске на чердаке у председателя сельсовета Ярханова.

По поводу обыска у Адеева никакой протокол не составлялся. Милиционер Рахим Булатов на вопрос прокурора Рогинского о причинах этого ответил: «не хотел заводить бумажной волокиты».

Что же сделал Ишимов в отношении Адеева? Он продержал его одну ночь в канцелярии. Затем Ишимов допросил Булатова и, в частности, задал ему такой любопытный вопрос: «Почему вы не оставили мне долю?» Булатов ответил: «Твоя доля не пропадет». Вот такие были нравы, такие порядки.

Судью 2 участка Свяжского кантона Сабира Бикмурзина, кроме обвинений общего характера (пьянство с конокрадами и т.д.), обвиняли и в вынесении судебных решений в

пользу членов шайки. В частности, он рассматривал уголовное дело на чутеевских конокрадов Тухватуллина и Салахутдинова (кличка Корсак) по ч. 2 ст. 181 УК РСФСР (покупка заведомо краденого в виде промысла с целью сбыта). Улики были налицо, и Бикмурзин признал подсудимых виновными. Но применил к ним амнистию в честь образования Татарской республики и от наказания освободил. Свое решение судья Бикмурзин обосновал тем, что Тухватуллин «погорел» (то есть у него сгорел дом), а Салахутдинов является многодетным. И самое интересное: судья в решении указал, что заведомо краденая лошадь подлежит возврату – но не потерпевшим, а подсудимым.

На самом деле лошадей вернули только на бумаге, фактически они остались у судьи Бикмурзина. Свидетели по делу показали, что Бикмурзин выезжал на этих краденых лошадях, а одну даже выставил на скачках на сабантуе!

В суде государственный обвинитель Рогинский доказал Бикмурзину, что тот неправильно применил положения закона по указанному делу, и что нельзя было возвращать конокрадам лошадей. Бикмурзин в ответ наивно вопрошал: «Лошадей куда было девать?»

Куда? В конце концов, судья мог вернуть лошадей их хозяевам, истинным потерпевшим или, на крайний случай, передать государству. Но он этого не сделал.

Еще один штрих к портрету судьи. Однажды милиционер Филиппов увидел в суде конокрада Амирханова и весьма удивился: тот находился в розыске! Милиционер побежал к судье Бикмурзину с предложением о немедленном задержании разыскиваемого. Судья отмахнулся от милиционера: «Охота тебе заниматься бумажной волокитой. Пускай его гуляет...».

Кстати, незадолго до чрезвычайных событий, в апреле 1925 года Рабоче-крестьянская инспекция Татарской республики проверяла работу судьи Бикмурзина и признала ее вполне удовлетворительной. Тогда РКИ в целом проводила проверку всех работников наркомата и прокуратуры в Свяжском кантоне. Каких-либо серьезных замечаний в их адрес высказано не было¹⁰.

Милиционер Онисько в апреле 1924 года задержал члена шакуровской шайки Афлятунова. Его лошадь оказалась Онисько похожей на краденую. Милиционер задержал подводу, в которой было разное имущество, а также лежал наган. Афлятунов убежал, Онисько с его подводой заночевал в ближайшей деревне. Ночью Афлятунов явился к Онисько и уговорил – тот вернул лошадь, подводу и все имущество, за исключением нагана и куска мыла, отданного возчику.

Онисько о случившемся никому не сообщил. Но его начальник Гайфуллин об этом все же узнал и вместе с Онисько поехал в Чутеево для дознания. Обыска при этом не проводилось. Чей был наган, так и не удалось доказать. Вещей уже не было. Поэтому по данному факту уже невозможно было установить истину.

По состоянию на 1 октября 1925 года в Свяжской кантонной милиции числились 59 человек. При этом 3 начальника волостной милиции оказались членами шакуровской шайки.

Бывший начальник Свяжской кантонной милиции Габидуллин обвинялся в том, что осенью 1924 года он получил от Сабира Шакурова 30 рублей под видом уплаты за прокорм задержанной у него лошади. Габидуллин исключил эту лошадь из списка угнанных лошадей, находящихся в розыске.

В декабре 1924 года избитая Даминава написала заявление на имя

помощника прокурора Свяжского кантона. Ее сын Даминов (Тимиршин) не знал, кому и как передать заявление. В итоге он передал заявление начальнику милиции Габидуллину. В заявлении Даминовой речь шла о незаконных действиях Ахтямова и Яرخанова. Но заявление никуда не пошло, а просто пропало.

Начальника милиции Габидуллина также обвиняли в том, что он получил 150 рублей от братьев Газетдиновых за уничтожение заявления Даминовой. Получение денег напрямую не доказывается, но факт утери заявления был налицо.

По уголовному делу достоверно был установлен факт передачи отреза шелка жене помощника прокурора Свяжского кантона Низамутдинова. Тогда зять Шакура Рахимов (Вафа Садыков) приехал на казанский базар и здесь его задержали с краденой лошастью. Задержанного потом отправили в Свяжск, где он и находился под арестом. Узнав о случившемся, Шакур Рахимов поехал в Свяжск на квартиру Низамутдинова и передал сверток с шелком его супруге Фатыме. В этот же день зять Шакура был освобожден. Низамутдинов в суде все эти факты признавал, хотя и не соглашался, что он освободил Садыкова именно за полученный женой шелк. Таким образом, в этом случае имела место классическая взятка.

О собственном зяте Шакуров в суде выразился так: «Ума у него немножко легкий». Видимо, по этой причине Шакур Рахимов и бросился спасать зятя, когда его поймали с краденой лошастью на казанском базаре. Зять мог проболтаться, и поэтому надо было его срочно вытаскивать. Что Шакур и осуществил при помощи помощника прокурора Низамутдинова.

В суде Низамутдинов не отрицал сам факт освобождения им Вафы Са-

дыкова, зятя Шакура, но очень возмущался, когда причиной этого освобождения указывали шелковое платье супруги помощника прокурора. По словам Низамутдинова, Садыков, психически ненормальный, буйствовал в тюрьме, а в больницу его не приняли, поэтому он и был освобожден.

«Почему об этом ничего не указано в постановлении об освобождении?» – интересуется прокурор.

«Технический недосмотр», – отвечает Низамутдинов.

Свидетельница Павлова, учительница, подтвердила, что Шакур показывал ей шелковую материю, и она ее ощупывала на кухне Низамутдинова.

Помощник прокурора Свяжского кантона Низамутдинов ранее работал народным судьей в этом же кантоне. И к нему для рассмотрения поступило уголовное дело по обвинению председателя Молькеевского волисполкома Барамышникова в превышении власти. По показаниям Барамышникова, судья сам приехал к нему домой. Сидя за столом и принимая хлебосольное угощение, Низамутдинов сказал будущему подсудимому: «В моей ты власти. Могу пять лет припать, могу одним выговором ограничиться».

Барамышников и члены его семьи со слезами на глазах стали просить Низамутдинова «судить легче». Низамутдинов посмеялся и в знак согласия протянул Барамышникову руку. После крепкого рукопожатия золотое обручальное кольцо с руки Барамышникова переключало в руку судьи. «Будет моё в знак нашей дружбы!» – изрек судья. Кто же станет возражать против дружбы с судьей? А что с делом-то? Да никак, оно просто исчезло, как будто его и не было. Низамутдинов в суде невразумительно объяснял, что дело он передал. Но сколько ни искали, это дело не нашли.

В заявлении на имя председателя комиссии Новикова от гражданина

деревни Б.Кушман Кушманской волости Свяжского кантона Тимиршина Давлетши мы узнаем, что бывший помощник прокурора по Свяжскому кантону Низамутдинов нахальным путем захватил для своей личной наживы и выгоды часть леса, приобретенного в интересах населения для устройства моста через реку Кушман. По этому поводу крестьяне неоднократно подавали жалобы, но ничего не добились. Тимиршин в заявлении писал, что Низамутдинов ранее имел один дом и одну лошадь, а сейчас у него три дома и 2–3 лошади, приобретенные посредничеством «шакурчины». В заявлении приводились и другие примеры злоупотреблений со стороны Низамутдинова.

В марте 1924 года по этому заявлению в отношении Низамутдинова проводилась проверка по признакам преступления, предусмотренного частью 1 статьи 105 УК РСФСР. Последний преподнес это как происки бывших кулаков. Свяжский кантком и исполком встали на защиту Низамутдинова и просили оставить его на работе. В результате уголовное дело на Низамутдинова 20 декабря 1924 года было прекращено за недостаточностью улик.

Гатауллин, в бытность его заведующим Свяжским кантонным земельном отделом, подписал договор о сдаче земли в количестве 100 десятин в аренду на 12 лет пяти гражданам. В числе этих граждан оказались отец Гатауллина, его дядя и один работник кантземотдела. Типичное распределение земли, оно существует и сегодня.

Договор не прошел заключение у консультанта, и был сразу внесен на рассмотрение Президиума Свяжского кантисполкома. Доклад сделал сам Гатауллин, но лишь в общих чертах, без деталей, и договор был утвержден. Впоследствии Наркомзем дал заклю-

чение о неправильности договора во всех отношениях.

Еще один эпизод из обвинения Гатауллина – в результате его действий стал инвалидом Ахмадеев. В 1920 году во время хлебной разверстки Гатауллин был уполномоченным по сбору хлеба. Вечером он на улице встретил группу людей, которые вели тихий подозрительный разговор. Он им крикнул: «Стой!». Шаги продолжались, и тогда Гатауллин выстрелил в воздух.

Потерпевший, который прибыл в суд, опираясь на клюшку, нарисовал совсем другую картину. Они с товарищами шли по улице, пели песни. Навстречу им попал пьяный Гатауллин. Он крикнул – «стой» и выстрелил в ногу Ахмадееву.

Гатауллин в суде сбивчиво объяснял, что в то время было беспокойно, со стороны крестьян были жалобы на воровство. Да и темно было в тот вечер, ничего не видно. Он не отрицал, что выстрелил, и пуля попала в ногу Ахмадеева, но утверждал, что это произошло случайно. По словам Гатауллина, это уголовное дело было прекращено в 1921 году по амнистии.

На беспартийной конференции гражданин Лебедев задал вопрос Бикчентаеву: «Можно ли местной администрации пьянствовать с бандитами», имея в виду дело конокрадов. Бикчентаев демонстративно ответил утвердительно.

Цивильский уездный комитет, также страдавший от деятельности банды Ш. Рахимова, ставил вопрос о совместной борьбе против конокрадов. 22 февраля 1924 года Свяжский кантонный комитет партии рассмотрел вопрос о решении бюро Цивильского уездного комитета партии от 5 января 1924 г. Из Цивильского уезда тогда написали, что органы власти Свяжского кантона не оказывают помощи в борьбе с конокрадством в с. Чутеево.

С гневным несогласием против этих обвинений выступили Бикчентаев, председатель кантисполкома, Низамудинов, помощник прокурора, и другие. Бикчентаев тогда авторитетно заявил, что в этом нет необходимости, мол, справимся сами.

В суде Бикчентаев утверждал, что с конокрадами не якшался, принимал меры к их поимке, предложив милиции установить за ними серьезное наблюдение. Бикчентаев также пояснял, что он понадеялся на старших партийных товарищей, себя он назвал «молодым политиканом».

Бикчентаева, в частности, обвиняли в том, что он тоже попользовался у конокрадов лошадью. Однажды у шурина Бикчентаева украли корову. Следы вели в Чутеево. Бикчентаев приехал в Чутеево и провел ревизию местного стада, но корову шурина не нашел. Вместо коровы Бикчентаев забрал у конокрадов лошадь. В суде же Бикчентаев утверждал, что купил эту лошадь на свои и шурина деньги.

По этому делу в тюрьме сидел и милиционер Симуков. Когда-то на его квартире с участием начальства случилась большая пьянка. Симуков из тюрьмы отправил жене записку и дал ей инструкцию – что говорить на допросе. Письмо перехватили. Из его содержания следовало, что тогда у одного самогонщика изъяли бочонок хмельного зелья. Бочонок раскупорили на квартире у милиционера Симукова и началась пьянка, в которой участвовал и Бикчентаев. В общем, как пел Высоцкий:

«Сначала пошли плясать в избе,

Потом дрались не по злобе,

И все хорошее в себе доистребили».

В завершение банкета Бикчентаев, как следовало из письма Симукова, стал стрелять в потолок...

В уголовном деле, в показаниях отдельных лиц (самого Шакура Рахимова, некоторых должностных лиц)

имеются отдельные подтверждения того, что Шакур Рахимов оказывал определенную помощь голодающим, в частности, бесплатно раздавал им муку. Подтверждали это и жители деревни Чутеево. Были отдельные случаи, когда Шакур Рахимов возвращал обратно украденных коней, когда их хозяева являлись в Чутеево.

Шакур Рахимов был горазд на шутки и в суде, в частности, заявил: «Начальники постоянно околачивались у меня, только Ленина и Троцкого не хватало!». Шутник, однако.

Первоначально Верховный суд объявил, что дело будет разбираться с 10-го сентября 1926 года. По различным причинам процесс откладывался. Тут еще трое активных членов банды совершили побег из тюрьмы. Это вызвало явное недовольство населения и, разумеется, не работало на авторитет судебных органов.

Суд над бандой конокрадов Шакура Рахимова шел под председательством Николая Михайловича Немцова, судьи уголовной коллегии Верховного суда РСФСР. Немцов Н.М. – соратник В.И.Ленина, один из активных участников революции 1905 года, очень эрудированный человек, прошедший аресты и ссылки. В 1937 году Н.М. Немцов выступил против необоснованных репрессий, в итоге был сам арестован и расстрелян.

Корреспондент газеты «Красная Татария» в своих судебных очерках несколько раз ошибочно называет Немцова Н.М. председателем Верховного суда, не называя уровень суда (Татарской республики или РСФСР).

Другой известный юрист, Григорий Константинович Рогинский, прокурор уголовно-судебной коллегии Верховного Суда РСФСР, поддерживал по делу государственное обвинение. Рогинский был весьма подготовленным юристом, до этого принимал участие во многих громких судебных

процессах того времени, поддерживая государственное обвинение, в том числе и в политических процессах, был ближайшим соратником прокурора СССР Вышинского. Рогинский, в силу своего служебного положения, не мог остаться в стороне от массовых репрессий и был причастен к арестам и осуждению многих своих коллег. Судьба Рогинского похожа на судьбы многих других участников массового террора. В 1939 году, будучи заместителем прокурора СССР, он был арестован и осужден к 15 годам лишения свободы.

Суд начался 5 ноября 1926 года. На скамье подсудимых оказались 48 человек.

Прокурор вел процесс умело. Он активно задавал вопросы Шакуру Рахимову и его подручным, оглашал материалы уголовного дела. Защитниками в судебном процессе выступали известные адвокаты Бельский, Бекетов, Бабаджан, Ксенократова, Поздеев, Соркин, Ушаков.

Суд заслушал постановление общего собрания крестьян разных кантонов, собравшихся в Центральном Доме Крестьянина. Поступила и телеграмма от Цивильского уездного исполкома. В обоих обращениях было требование применить к бандитам расстрел.

По словам защитника Бельского, «большинство обвинений основано на сказках». По эпизодам о конокрадстве нет потерпевших, свидетелей. Основного избличителя Мирзу Хасанова он охарактеризовал как человека с запачканной репутацией.

Защитник Ушаков в судебном процессе заявил: «Советская власть настолько прочна, что грязная чутеевская кучка ни в коей мере ей угрожать не может».

В целом защитники говорили о небольшой социальной опасности подсудимых и считали для них доста-

точной изоляцию (то есть лишение свободы), но никак не расстрел.

Государственный обвинитель Рогинский в своем выступлении подчеркнул, что нельзя усматривать в шакуровщине только простую уголовщину. По его словам, перед судом предстала банда, действовавшая десятки лет, связанная дисциплиной, наводившая страх на окрестное население. Рогинский потребовал осудить виновных по ст. 76 Уголовного кодекса РСФСР.

Процесс шел 25 дней. Приговор был оглашен 2 декабря 1926 года. К расстрелу приговорили 16 человек. 17 декабря 1926 года (в день начала переписи населения по всему Советскому Союзу) приговор о расстреле был приведен в исполнение.

Из числа должностных лиц к расстрелу были приговорены председатель сельсовета Файзрахман Ярханов, следователь Мухаммед Ишимов, секретарь сельсовета Хайретдин Амиров, судья Сабир Бикмурзин.

С учетом их роли, совершенных преступных действий, полагаю, что приговор в целом является справедливым. Следствие и суд добыли достаточно доказательств о совершении ими умышленных, целенаправленных действий в интересах банды. Конечно, сегодня за эти действия расстрел не дали бы, но такое было тогда время...

Были оправданы: судья Акмалетдин Иксанов, председатель волисполкома Барамышников.

Мирза Хасанов, основной свидетель обвинения, получил 3 года лишения свободы условно.

Бикчентаева суд приговорил к лишению свободы на один год с зачетом предварительного заключения и освободил из-под стражи.

Милиционеры Николай Онисько, Петр Симуков, Ярулла Габидуллин получили по одному году лишения свободы, с зачетом предварительного заключения, Онисько освободили.

Помощник прокурора Низамутдинов получил 4 года лишения свободы, с поражением в правах на 3 года.

Шафигулла Гатауллин, Филипп Тюльматов лишались свободы на 5 лет.

Сагеев и Сайдашев получили по 8 лет лишения свободы.

17 человек были оправданы, 7 человек получили незначительные сроки, 6 человек получили от 5 до 8 лет лишения свободы¹¹.

Во время оглашения приговора один из преступников – Замалетдинов – разметал конвой, опрокинул стол прокурора и бросился в сторону судей. Работник милиции застрелил бандита. Оглашение приговора продолжилось...

В суде Шакур Рахимов обмолвился, что о своем деле хотел сообщить в Москву, Калинин. Может быть, и сообщил? По отдельным устным свидетельствам, после оглашения приговора русская сноха Шакура Рахимова Даша везла из Москвы документ об освобождении Шакура Рахимова и его близких, и якобы этот документ был подписан первым лицом НКВД. Однако потом последовал телефонный звонок с приказом: «срочно привести приговор в исполнение»¹².

Однако эта версия мне представляется не более чем слухом. Выйти на наркома НКВД РСФСР, находясь под стражей более года, Шакур Рахимов вряд ли смог бы. Да и нарком не рискнул бы отменить приговор Верховного суда РСФСР. Догадки, предположения, слухи...

Суд закончился, но его отголоски продолжались еще долго. Представитель Молькеевской волости Павлов на заседании Свияжской кантпарторганизации 22 декабря 1926 года заявил, что Верховный суд по отношению к Бикчентаеву и Гарифу Мазитову (конокраду) проявил мягкотелость.

В 1927 году был опубликован небольшой очерк С. Файзуллина и

Н. Бахти «Шакур-карак». Один из авторов очерка (Файзуллин), скорее всего, участвовал в судебном рассмотрении уголовного дела как общественный обвинитель. То есть он был хорошо осведомлен об обстоятельствах и деталях дела. В очерке подробно описана история, родословная Шакура Рахимова, дана оценка деятельности банды в целом, охарактеризованы отдельные участники банды. Даже проведен криминологический анализ такого преступления как конокрадство. По данным авторов, конокрадство особенно сильно развито у татар – 90% конокрадов в Татарстане были татарами. Преступная профессия конокрада передавалась по наследству. Конокрады гибли за лошадей – как до революции, так и после нередкими были случаи, когда пойманным конокрадам устраивали самосуд и забивали до смерти. Такой жестокой участи не избежали и отдельные представители рода Шакура Рахимова. Но и это не оттаивало конокрадов.

В 1927 году бывший председатель Свияжского кантисполкома Бикчентаев обратился к прокурору Татарской республики с заявлением о несогласии с книгой Файзуллина и Бахтиярова «Шакур-карак», которая была издана Госиздатом в январе 1927 года на татарском языке. Бикчентаев пишет, что в книге есть ряд неточностей, и лично он обрисован как укрыватель и единомышленник шайки конокрадов. С этим бывший председатель кантисполкома решительно не согласился, указав, что Верховный суд его осудил по ст. 107 УК РСФСР, а по остальным обвинениям реабилитировал. Бикчентаев требовал внесения уточнений в книгу, дать разъяснения в печати, привлечь редакторов книги к ответственности¹³. Его требования были отклонены.

7 мая 1927 года Президиум Областной контрольной Комиссии ВКП(б)

отклонил апелляцию исключительно из партии Бикчентаева. Напрасно он доказывал, что оправдан по суду. Выступавшие сошлись на том, что Бикчентаев был замешан в деле Шакурова, и партийное наказание является заслуженным.

Нельзя сказать, что Чутеевское дело было каким-то особым случаем. Оно было наиболее характерным и, как писали в одной из статей, прогремело на всю страну. Аналогичные дела были и в других районах.

Например, в том же 1926 году по Бугульминскому кантону Верховный суд осудил более 30 конокрадов и их пособников. Среди последних были председатель сельсовета, делопроизводитель отдела конского учета Бугульминского военкомата, начальник Абдуллинской районной милиции. Упоминается и следователь Бугульминской прокуратуры, который выпустил двух главарей шайки, уничтожил уголовное дело и сбежал с изъятыми у банды вещественными доказательствами – 500 червонцами золотом¹⁴.

По результатам расследования и осуждения конокрадов занялись и профилактикой – ввели дежурства агентов милиции, которые проверяли все конские карточки. В результате

конокрадство пошло на спад. Если в 1923–1924 г.г. было 512 случаев конокрадства, то в 1924–1925 г.г. – 327 случаев, а в 1925–1926 г.г. – 251 случай, т.е. оно снизилось в два раза. Раскрываемость конокрадства в 1925 году составила 42%, а в 1926 году – 80%¹⁵.

И еще одна мысль в завершение. Возможно, что именно из-за Свяжского дела в феврале 1926 года покинул свой пост нарком юстиции и прокурор республики Гимаз Богаутдинов. Ведь в преступлениях банды Шакура оказались замешанными работники органов юстиции и прокуратуры. Все они принимались на работу, перемещались по должности решением наркома юстиции. Более того, в показаниях, заявлениях отдельных участников тех событий (например, Николича) были утверждения, что нарком Богаутдинов покровительствовал указанным работникам юстиции Свяжского кантона, в частности, тому же Низамутдинову. Прямых подтверждений этого в нашем распоряжении не имеется. Но сам факт участия работников органов юстиции и прокуратуры в преступлениях банды Шакура Рахимова был уже достаточным основанием для отставки наркома юстиции и прокурора республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-128, опись 1, дело 126. Материалы о деятельности Наркомюста. 1921 г.

² Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 3, дело 12. НКЮ ТАССР. Постановления... 1932 г.

³ ЦГА ИПД РТ. Татарский Обком РКП(б). Фонд 15, опись 1, дело 1365. Материалы... 1925 г.

⁴ ЦГА ИПД РТ. Татарский Обком РКП(б). Протоколы заседаний бюро... Фонд 15, опись 1, дело 1335. 1925 г.

⁵ ЦГА ИПД РТ. Фонд 1220, опись 1, дело 506. Свяжский кантком ВКП(б). Протоколы заседаний бюро... 1925–1926 г.г.

⁶ ЦГА ИПД РТ. Фонд Р-1220, опись 1, дело 507. Протоколы заседания бюро Свяжского канткома ВКП(б)... 1925–1926 гг.

⁷ ЦГА ИПД РТ. Фонд 1220, опись 1, дело 676. Переписка Уполномоченного ОКК по Свяжскому кантону. 1926 г.

⁸ ЦГА ИПД РТ. Фонд 1220, опись 1, дело 598 а. Список... 1920–1922 гг. Свяжский кантком РКП(б).

⁹ ЦГА ИПД РТ. Уполномоченный ОКК ВКП(б) по Свяжскому кантону. Фонд 1220, опись 1, дело 674. Выписки из протоколов... 1926 г.

¹⁰ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-990, опись 1, дело 459. Наркомат РКИ. Материалы проверки Наркомюста ... 1925 г.

¹¹ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3870, опись 12, дела 5–40. 1925–1926 гг.

¹² Ильсия Шакурова. Шакур Рахимов – король конокрадов? // Газета «Первое сентября». – С. 35.

¹³ ЦГА ИПД РТ. Татарский Обком ВКП(б). Фонд 15, опись 2, дело 46. Переписка... 1926–1927 гг.

¹⁴ Шерстнев Илья. На рубеже. – Казань: Тат. кн. издательство, 1990. – С. 6–7.

¹⁵ Национальный архив Республики Татарстан. Фонд Р-3622, опись 1, дело 139. Наркомюст ТАССР. Материалы о деятельности... 1926 г.

Аннотация

В статье рассказывается о причастности представителей органов власти, юстиции, прокуратуры к преступлениям известной банды конокрадов Шакура Рахимова.

Ключевые слова: конокрадство, банда Шакура Рахимова, история органов юстиции, прокуратуры.

Summary

The article describes the involvement of representatives of government authorities, Justice and Prosecution to the crimes of known Shakur Rakhimov's gang of horse thieves.

Keywords: horse-stealing, gang of Shakur Rakhimov, the history of Justice Authority and the Prosecutor's Office.